

ПАВЕЛ ЭМПТИН

НАД
ПРОПАСТЬЮ
БОМЖИ

Павел Эмптин

Над пропастью бомжи

<https://litres.ru/74697732>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пятничный вечер в старой квартире на окраине. Бутылка на столе, запотевшие рюмки, огурцы, банка шпрот и два товарища, у которых за плечами — целая жизнь со всеми её тупиками, срывами и невыученными уроками. Это разговор двух людей, которым больше не нужно притворяться сильными.

Тринадцать историй о самом хрупком — о словах, которые мы забываем, о страхах, которые носим под одеялом, о прошлом, ставшем единственным приютом, и о лестнице, по которой мы карабкаемся вверх, даже когда кажется, что сил больше нет.

Это книга-диалог о тех, кто застрял между «вчера» и «завтра», но всё ещё пытается услышать в темноте родной голос. Налейте чаю. Или чего покрепче. Будет о чём помолчать.

Павел Эмптин

Над пропастью бомжи

ПАВЕЛ ЭМПТИН

НАД ПРОПАСТЬЮ БОМЖИ

Роман в рассказах

2026

АННОТАЦИЯ

Пятничный вечер в старой квартире на окраине. Бутылка на столе, запотевшие рюмки, огурцы, банка шпрот и два товарища, у которых за плечами — целая жизнь со всеми её тупиками, срывами и невыученными уроками. Это разговор двух людей, которым больше не нужно притворяться сильными.

Тринадцать вечеров, тринадцать историй о самом хрупком — о словах, которые мы забываем, о страхах, которые носим под одеялом, о прошлом, ставшем единственным приютом, и о лестнице, по которой мы карабкаемся вверх, даже когда кажется, что сил больше нет.

Это книга-диалог о тех, кто застрял между «вчера» и «завтра», но всё ещё пытается услышать в темноте родной голос. Налейте чаю. Или чего покрепче. Будет о чём помолчать.

Пятница. Вступление

Звонок раздался, когда Андрей дорезал колбасу. Он вытер руки о штаны и пошёл открывать, а когда вернулся на кухню, Сергей уже сидел у окна, на табуретке, которая в этой квартире давно считалась его.

— Опять с пустыми руками, — сказал Андрей.

— У тебя же всё есть.

Спорить было не с чем. В пятницу вечером у Андрея и правда было всё: бутылка в морозилке, полбуханки хлеба, два огурца, банка шпрот, начатая пачка сигарет и ощущение, что неделя прошла мимо, как маршрутка, которая не оставилась.

Он достал бутылку, запотевшую от собственной значительности, и две рюмки. Налил обе. Свою выпил сразу, вторую подвинул Сергею. Тот взял её двумя пальцами, повертел, выпил в два глотка и, не поморщившись, потянулся за хлебом. Андрей закусил огурцом и закурил. Дым пополз к лампе, как всякая мысль в пятницу вечером: медленно, без цели и с претензией на глубину.

— Ну, рассказывай, — сказал Сергей.

— Нет, ты первый.

— У меня нет историй.

— У всех есть истории. Ладно, слушай. Только не перебивай, а то я собьюсь. Я вообще всё время сбиваюсь, это у меня семейное.

Рассказ первый. Виллок

— Виллок капусты слышал когда-нибудь? Только честно.

— Слышал.

— Ну вот. Все слышали. А я нет. До двадцати семи лет, Серёга. Двадцати семи! К тому времени у меня был диплом, ипотека на двадцать лет, которую я называл «квартирой», жена и кредитка, на которую я смотрел с нежностью. Я был взрослый человек. Я знал слова. Я, чёрт возьми, знал слово «амортизация»! А слово «виллок» — нет.

Он замолчал, повертел пустую рюмку в пальцах и добавил:

— Ты пойми, я не дурак. Я книжки читал, толстые, с мелким шрифтом. Я думал, что мир — это такая комната. Не идеальная, с кривыми обоями, но моя. Я в ней давно живу, знаю, где батарея, где выключатель, где скрипит паркет. И капуста в этой комнате росла кочанами. Это было так же естественно, как то, что вода мокрая. Бабушка говорила «кочан». Мама говорила «кочан». В школьной столовой в меню писали «щи из свежей капусты», но в голове у меня всё равно стоял кочан: большой, тугой, с этой своей кочерыжкой. Кочан, кочерыжка, капуста. Всё одной семьёй. Логично же? Я был уверен, что в моём словаре нет белых пятен.

— И что случилось?

— Суббота случилась.

Андрей затянулся и выпустил дым в сторону форточки,

которая всё равно была закрыта.

— Шесть вечера, я иду с работы. Лена звонит: «Андрюш, зайди в магазин, купи вилок капусты, на щи». Так буднично, между делом, как «купи хлеба». А я говорю: «Ага». И кладу трубку. И только на крыльце понимаю, что сказал «ага» на слово, которого не знаю. Знаешь, как это? Как будто подписал договор, не читая, а там мелким шрифтом твоё имя.

Он усмехнулся, но усмешка вышла кривой.

— Вилоч, думаю. Вил-оч. Может, это что-то вроде вилок? Приспособление, чтобы капусту... Нет, но она же сказала «вилоч». Мужской род, почти человек. Звучит как фамилия бухгалтера. Иван Петрович Вилоч.

— Бухгалтер Вилоч, — повторил Сергей.

— Вот. Захожу в магазин. Овощной отдел. Стою перед ящиком. Капуста. Лежит, круглая, белая, наглая, смотрит на меня как на идиота. На ящике ценник: «Капуста белокочанная». Ну, думаю, вот она, родимая. Беру кочан и иду. И тут рядом бабка, в таком пальто, в каком и хоронят, и крестят, оборачивается к продавщице и говорит: «Девушка, дайте вот этот вилок, поплотнее». Спокойно. Без паузы. Как «здравствуйте». И продавщица кивает, берёт капусту и говорит: «Этот? Хороший, плотный вилок». А мужик сзади, с корзиной и пивом, вообще не поднимая головы, добавляет: «Вилоч, ага. На засолку».

Андрей посмотрел на Сергея так, словно тот тоже был в той очереди.

— У меня внутри что-то хрустнуло. Как лёд на луже, когда ты уже зашёл на середину. Весь магазин знал это слово. Все! Бабка, продавщица, мужик с пивом, наверное, и охранник знал. Они стояли и пользовались им, как ложкой, а я посреди них, как человек, которому сказали, что земля квадратная, а остальные давно в курсе и просто не хотели расстраивать.

Он налил, но пить не стал, а просто держал рюмку, как держат чужую руку.

— И знаешь, что самое страшное? Не то, что я не знал. А то, что оно там было. Всегда. Пока я рос, пока женился, пока брал ипотеку, пока сдавал сессии, это слово жило своей жизнью. Люди говорили его друг другу на кухнях. Кричали на рынках. Писали на ящиках. А я ходил мимо, как мимо двери в стене, которую не замечаешь, потому что на ней нарисованы обои. Понимаешь? Не шкаф, не ниша. Дверь. С ручкой. И все в доме давно знают про эту дверь и ходят в неё, и ты слышишь, как за ней кто-то гремит посудой. А ты двадцать семь лет клеил на неё обои.

— Жёстко.

— Я не помню, как вышел. Помню, что на кассе положил просто капусту, без единого слова, как преступник: сунул, расплатился, глаза в пол. Продавщица, кстати, ничего не сказала. Хотя имела право.

Он наконец выпил.

— Дома я шваркнул её на стол и говорю: «Лена. Это вилок?» Она не оборачивается от плиты: «Ну да». «Почему я

его не знал?» — «В смысле?» — «Почему мне никто никогда не сказал слово „вилок“?!» Я орал, Серёга. Я стоял посреди кухни и орал на жену про капусту. А она смотрела на меня с половником в руке, как с оружием, потому что не понимала: то ли я пьяный, то ли у меня кто-то умер. «Андрей, — говорит, — ты нормальный?» А я ей: «Не знаю! В этом-то и вопрос!»

Он помолчал. На кухне капнул кран, и оба на секунду прислушались, как будто это могло что-то объяснить.

— Ночью я не спал. Лежу рядом с Леной, она дышит, а я шепчу в потолок: вилок. Вилоч. Вилоч. И слово начинает расползаться. Знаешь, как бывает, если слишком долго смотреть на тарелку? Она перестаёт быть тарелкой, потом кругом, потом пятном, потом вообще ничем. Так и тут: «в», «и», «л», «о», «к». Набор звуков. Кто их выбрал? Почему именно эти? И если вот эти звуки значат капусту, то, может, и «капуста» — тоже какая-то договорённость, на которую меня не позвали?

— Тебя не позвали.

— Вот именно! Час ночи, я лежу и чувствую себя человеком, которого забыли внести в список гостей на собственную жизнь. И я звоню маме.

Андрей затаился и закашлялся.

— «Андрюш, что случилось?» — голос такой, будто я сообщил, что сгорела дача. «Мам, ты слово „вилоч“ знала?» Тишина. Долгая такая, с дыханием. Потом: «Ты пил?» —

«Нет!» — «Андрюша, час ночи». — «Мам, ответь: знала или нет? Почему мне никто не сказал?» И она так спокойно, так по-доброму: «Да знала, сынок. Просто к слову не приходилось. Ты ж всегда говорил „кочан“».

Он повторил почти беззвучно:

— Не приходилось. Двадцать семь лет не приходилось. У меня мир рухнул, а у неё «просто». Я положил трубку и сидел в темноте, и мне казалось, что я стою в огромном доме, где в каждой комнате кто-то громко разговаривает, а я только сейчас снял наушники.

— Красиво.

— Это не красиво. Это страшно. Красиво будет потом.

Он налил обе рюмки до краёв. Они чокнулись, не глядя друг на друга, и выпили. Андрей поморщился. Прикурил новую сигарету от ещё не потухшей. За окном проехала машина, на потолок легла полоса света и поползла к стене, будто кто-то проверял комнату фонариком.

— Утром я полез в интернет. Набрал «вилок капусты». Три миллиона результатов! Это как зайти в тёмную комнату и обнаружить, что там уже три миллиона человек, и все молчат, чтобы тебя не пугать. Я начал читать рецепты. «Возьмите один небольшой вилок». Небольшой, Серёга! Они уже размеры друг с другом обсуждают! Я прочёл тридцать рецептов, и в каждом сидел этот проклятый вилок, как предатель в семье, которого все давно простили.

— А кочан там был?

— Кочан был. Но как-то сбоку. Как дальний родственник, которого зовут на свадьбу из вежливости.

Он усмехнулся, но сразу потух.

— Всю следующую неделю я жил как сапёр. Каждое слово теперь могло рвануть. На работе Вася просит: «Андрюх, дай стремянку». Я смотрю на стремянку и думаю: а точно ли это стремянка? А вдруг у неё есть второе имя, которого я не знаю, и все давно им пользуются? Спросил Васю: «Вась, а ты вилок знал?» — «Ну, знал». — «А почему мне не сказал?» — «А что было говорить?» Вот так. «А что было говорить». Целый мир не считает нужным сообщать тебе, что ты чего-то не знаешь. Понимаешь, какая вокруг тишина?

Он потёр лицо ладонью.

— Я перестал нормально есть и спать. Слушал людей в маршрутке, как иностранцев, ловил каждое слово: «электричка», «подъезд», «ладно», — и не верил ни одному. Лена смотрела на меня с нежностью санитара. На холодильнике появился магнитик. Яркий такой, весёлый, с цветочками, а на обороте номер районной психиатрической больницы. Не знаю, откуда она его взяла, может, в поликлинике дали. Я смотрел на него по утрам, пока варил кофе, и чувствовал запах хлорки.

— В смысле, запах?

— В прямом. Больничный, сладковатый. Как будто он уже шёл ко мне по коридору.

Андрей затушил сигарету, но не сразу, а словно вкручивал

её в стол.

— В ночь на воскресенье я сидел вот здесь, на этом самом месте, курил в форточку. Лена спала. Часа четыре утра, самое поганое время, когда мысли ходят без штанов. И вдруг щёлкнуло. Не озарение, нет, озарения — это для кино. Тихое такое «тик». Как будто в голове кто-то повернул ручку. Я подумал: слушай, а ты ведь сейчас узнал новое слово. В двадцать семь лет. Слово было всегда, а ты не знал, и вот — узнал. Ты жив. Голова работает. Дыра в мироздании тебя не засосала. Значит, можно.

— Что можно?

— Узнавать. Новое. Всегда. Хоть в двадцать семь, хоть в сорок, хоть в шестьдесят. Оно было, есть и будет. Ты просто не знал. Не потому что тебя обманули, а потому что мир больше, чем твоя комната. И у тебя ровно два пути. Либо ты сидишь и сгораешь от обиды, что тебе двадцать семь лет не говорили про вилок, и едешь туда, где пахнет хлоркой и таблетки дают по расписанию. Либо признаёшь: да, не знал, теперь знаю. И идёшь дальше, потому что дальше, оказывается, ещё много чего.

Он улыбнулся уже по-настоящему.

— После этого в голове что-то размякло, как пластилин, который долго держали в тёплых руках. Раньше я слышал новое слово и ёжился. А теперь слышу и пробую на вкус. За год выучил, наверное, больше слов, чем за предыдущие десять. «Вилка» открыл дверь, а за ней оказалась целая квар-

тира.

— И что ты сделал?

— Что-что. Сварил щи. Из этого вилка. Лена попробовала и сказала: «Вкусно». А я чуть не заплакал. Не из-за щей, конечно.

Он замолчал, и в тишине стало слышно холодильник.

— А потом Лена ушла.

— Из-за капусты?

— Нет. Хотя капуста сыграла роль. Сказала, что устала жить с человеком, который в любой момент может провалиться в пол, услышав новое слово. Я не обиделся. Серьёзно. Я только подумал: ну да. Кто выдержит мужика, который посреди ночи шепчет потолку про капусту.

— Мда.

— Вот и я говорю. Не знать — не приговор. Мир не обязан рассказывать тебе всё сразу, а ты не обязан сходить с ума, когда выясняешь, что он больше, чем ты думал. Учиться можно в любом возрасте. Даже тому, что было всегда, а ты просто не знал. Вопрос только в том, куда тебя это приведёт: на щипки или к магниту.

Они выпили, и Андрей закусил шпротинкой на куске хлеба. Пачку он подвинул через стол, Сергей вытянул сигарету, прикурил от его зажигалки и затянулся, прищурившись.

— Опять взялся?

— Раз в пятницу можно, — сказал Сергей, выпуская дым к лампе.

— Вот и я так думаю.

За окном кто-то хлопнул дверью машины.

— Твоя очередь.

— У меня нет историй.

— У всех есть, — сказал Андрей. — Давай.

Рассказ второй. Очковые кобры

Андрей встал, достал из холодильника банку солёных огурцов и долго воевал с крышкой, ругаясь на неё с нежностью, как на старого родственника. Сергей смотрел в окно на двор, где под фонарём курили двое в капюшонах. Они стояли так, будто охраняли что-то важное, хотя охранять там было нечего, кроме собственной пятницы.

— Мне на прошлой неделе приснился кошмар, — сказал Сергей.

— Опять про зубы?

— Нет. Про зубы я уже не боюсь. Я вообще кошмаров не боюсь. С возрастом они как соседи сверху: шумят, топают, роняют что-то тяжёлое, но ты уже знаешь, что они за потолком и до тебя не дойдут. Когда ты уже пожил, во сне пугает только одно: что это не сон.

Андрей хмыкнул и разлил по рюмкам.

— Рассказывай.

— Значит, так. Особняк. Огромный, в таком можно потеться и не найтись до понедельника. Что-то вроде девятнадцатого века, но с розетками, потому что сон, ему всё равно.

Принадлежит род Вересковых. Графы, заводчики, люди, которые на любой вопрос отвечали «Что вы себе позволяете?», даже если вопрос был «Который час?».

— Приятные люди.

— Обаятельнейшие. У графа Аполлинария Львовича было три завода, красильный и два химических, и дымили они так, что в городе зимой не выпадал снег, а выпадал серый пух. А ещё у него была оранжерея, а в оранжерее зверинец: попугаи, вараны, печальная обезьяна и четыре очковые кобры в стеклянных террариумах. Он кормил их сам. Белыми мышами, в перчатках, с лицом человека, который причащает.

— Почему очковые?

— У них на капюшоне рисунок, как очки. Смотрят на тебя и будто всё про тебя понимают. Я потом долго думал, что это были самые умные существа во всём сне.

— Умнее графа?

— Это не высокая планка.

Сергей отвернулся от окна.

— И вот начинается. Первая ночь. Утром горничная приходит в спальню тётку графа. Дверь заперта изнутри, окно закрыто, ковёр не тронут. А от тётки... — он на секунду замялся, — осталось меньше, чем было. Укусы, разрывы, как будто кто-то очень мелкий и очень многочисленный провёл с ней ночь. Следов нет. Ни шерсти, ни лап, ни грязи. Граф сказал: «Какое безобразие» — и велел подавать завтрак.

— Классика.

— Вторая ночь — повар. Третья — кучер. Четвёртая — старший сын, который, как выяснилось, был не очень хорошим человеком, но с ним никто не успел это обсудить. К пятой ночи вся прислуга спала в одной комнате с зажжёнными свечами и топорами. А аристократы спали по одному, как положено. Отдельная спальня — это статус, а выжить — уже дело второстепенное.

Андрей смеялся в кулак, но смех у него был такой, каким смеются над тем, что слишком хорошо знают.

— Приезжает полиция. Инспектор. Человек с лицом уставшего бухгалтера, у которого дома не всё слава богу.

— Как его звали?

Сергей помолчал.

— Пусть будет Вилоч.

Андрей поперхнулся огурцом, закашлялся, замахал рукой.

— Ты специально!

— Нет. Просто к слову пришлось.

— Ну, спасибо, — выдохнул Андрей, вытирая глаза. — Дальше.

— Вилоч первым делом идёт в оранжерею. Кобры, думает он. Очевидно же: экзотика, яд, ночь. Считает. Четыре. Все на месте, сытые, спят на тёплых камнях, и на лице у каждой выражение презрительного удовлетворения, как у людей, которые вовремя ушли с вечеринки. Приходит ветеринар, раз-

водит руками: «Кобры так не работают. Кобры кусают аккуратно. Они интеллигентные». И пока Виллок на них смотрел, одна подняла голову и посмотрела на него. Через эти свои очки. И ему показалось, что она всё знает, но не скажет, потому что в этом доме её мнением никто не интересовался.

— Логично.

— Потом он подозревал собак, медведя, которого держал сосед, и даже обезьяну, потому что у неё было слишком печальное лицо для невинной. Но обезьяна сидела в клетке и плакала, а к утру в особняке находили очередного покойника.

Сергей допил, поставил рюмку на стол и потянулся за хлебом, пока Андрей наливал по новой.

— На четвёртую ночь Виллок не спал. Сидел в гостиной и слушал. И слышал. Тихо-тихо, снизу. Как будто кто-то мелко-мелко перебирает пальцами по железу. Он взял лампу и пошёл в подвал.

— Погоди, — сказал Андрей. — Дай налить и закурить. Я такое без сигареты не слушаю.

Он налил обоим, они выпили, закусили. Дым от сигареты лёг на стекло и пополз вниз медленными пальцами. Сергей ждал, не торопя, и крутил в пальцах пустую рюмку.

— Подвал, — продолжил он. — Старый, такой, что даже эхо боялось возвращаться. В дальней стене ржавая решётка. Виллок отодвинул её и осветил. За ней начинался коллектор — каменный тоннель, ещё при деде графа проложенный,

чтобы всё дурное уходило из особняка в реку.

— И?

— Крысы. Тысячи. Они текли по тоннелю, как чёрная вода. Но дело не в крысах. Крыс он видел. Дело в том, что из них росло.

Андрей перестал жевать.

— Из спин, из глаз, из пастей. Тонкие такие щупальца, бледные, как макароны, которые забыли в кастрюле на неделю. Они шевелились сами по себе, как будто у каждой крысы был кто-то ещё внутри. И тогда крыса переставала быть просто крысой. Она становилась голодной. Не хотела есть, нет. Голодной вообще, до дрожи, до безумия. И шла наверх, через решётку, через щели в полах, по трубам. Туда, где тепло и много мяса, которое ещё и не бегают.

— Хороший сон.

— Я предупреждал.

— А откуда эта дрянь вообще взялась?

— Вот это самое интересное. Виллок пошёл по коллектору против течения, до самого выхода к реке. Река была цветная. Зелёная, оранжевая, с радужной плёнкой, как бензин в луже. Заводы графа лили в неё всё: кислоту, краску, ещё что-то, чему названия не придумали. Ниже по течению рыба давно не водилась, зато водилось всё остальное. А коллектор, в котором вода стояла, был для них просто курортом. Там, в тёплой отраве, что-то завелось. Что-то, для чего такая вода — родной дом.

— И граф не знал?

— Граф знал, что река ничья. Она течёт и уносит. «Туда всё девается», — говорил он. Он считал, что река — это большая корзина для мусора с бесплатной доставкой в никуда.

— А доставка оказалась в обе стороны.

— Вот именно. То, что он выбросил, вернулось. Не штрафом, не лекцией от экологов, а вот этим. Крысы пришли в дом, из которого вытекала эта дрянь. Вилок потом всё рассказал графу, в гостиной, при свечах, и граф долго молчал. А потом спросил: «Но ведь этого нельзя доказать?» А Вилок ему: «Ваше сиятельство, вы сейчас спрашиваете, нельзя ли вас помиловать?»

Андрей фыркнул и тут же стал серьёзным.

— Знаешь, что смешно? В том обществе принято было стреляться за оскорбление. Сатисфакция. Честь, секунданты, рассвет, пистолеты. А тут получилось, что оскорблена была река. И она вызвала их на дуэль. А секундантами выступили крысы.

— Красиво.

— Это не красиво. Это справедливо. Красиво будет потом.

Андрей кивнул.

— А кобры? — спросил он. — Название-то откуда?

— Кобры с самого начала всё знали. Сидели за стеклом и смотрели на этот дом своими очками. Единственные, кто всё

понимал и не пытался никому ничего объяснить. Умный вообще редко объясняет. Он просто ждёт, когда всё произойдёт само.

— И чем кончилось?

— Последний кадр. Рассвет. Граф у окна, в халате, смотрит на реку. Она всё такая же: радужная, жирная, переливается на солнце. Он говорит: «Красивая». И я проснулся.

Сергей замолчал.

— Пошёл на кухню, налил воды из-под крана. Стоял и смотрел на стакан минуты две. Потом всё-таки выпил. Но с уважением.

Андрей расхохотался, но смех быстро выдохся.

— Ну и что? Не лей в реку?

— Нет. Что выбрасываешь, не исчезает. Оно просто уходит вниз и ждёт. Всё, что не договорил, не переварил, не простил, никуда не девается. Копится где-то под домом. И однажды ночью начинает скрести. Это не про заводы, Андрей. Это про людей.

Андрей долго смотрел на кран у раковины. Потом встал, подошёл, постоял, не включая воду, и вернулся.

— Ну их, — сказал он. — Давай ещё по одной.

Он налил обоим, они выпили, и Андрей подвинул Сергею тарелку с огурцами.

— Моя очередь, — сказал он. — Только дай подумать.

Сергей кивнул и снова повернулся к окну, где под фонарём двое в капюшонах уже разошлись, оставив после себя

два красных огонька, которые ещё немного тлели и гасли.

Рассказ третий. Вспышка

Андрей открыл форточку, и в кухню вполз октябрьский вечер: сырой, пахнувший мокрым асфальтом и чужим шашлыком с чьего-то балкона. Он постоял, прикурил, постоял ещё.

— Ну? — Сергей не разливал. Просто смотрел. — Ты полчаса думаешь.

— Выбираю.

— Из чего?

— Из историй, которые не стыдно рассказывать. Выбрал. Только сразу предупреждаю: это не из жизни. Это я придумал. От первого до последнего слова.

— Все так говорят, — сказал Сергей и всё-таки подвинул ему рюмку. — Рассказывай.

Андрей закрыл форточку, сел, выпил и начал.

— Представь мужика. Имя неважно, пусть будет Дима. Тридцать четыре года, менеджер в конторе, которая что-то кому-то поставляет, и никто уже не помнит что. Жена Катя, сын Ванька, шесть лет, ипотечная двушка на пятом этаже и ощущение, что жизнь в целом удалась, хотя вслух об этом лучше не говорить, чтобы не спугнуть.

— Спугнёшь, — согласился Сергей.

— Вторник. Октябрь. Он идёт с работы. Уставший, но по-хорошему, как устают люди, у которых есть куда возвращать-

ся. В наушниках что-то старое. В пакете яблоки, зефир для Ваньки и хлеб, потому что Катя написала: «Купи хлеба, но не бородинский, а нормальный». Он идёт мимо ларька, мимо аптеки, мимо дерева, на которое кто-то зачем-то повесил красную ленту, и думает ни о чём. Знаешь, когда человек счастлив, мысли у него самые простые. Сейчас ужин, потом мультики, потом Катя поворчит, что он опять уснул на диване в ботинках. Всё. Больше ему ничего не нужно.

Андрей замолчал и посмотрел на сигарету, которая догорала сама по себе.

— Заходит он во двор. Видит свои окна, пятый этаж. Свет горит. Жёлтый, домашний. И в эту секунду...

ВСПЫШКА.

Он выдержал паузу, достаточную, чтобы за стеной кто-то успел спустить воду.

— Не молния, не взрыв. Просто на секунду всё белое. Как будто мир сфотографировали лампой в упор и забыли вернуть цвета. Ни звука. Ни мысли. Ни его самого. Секунда. Меньше.

Он затаился.

— А потом цвета вернулись.

— И?

— Он стоит на том же месте. Двор тот же, лавка та же. Только дерево с красной лентой почему-то выше, а лента выцвела до розового. Он этого не заметил. Он смотрел на пятый этаж. Свет горел, но другой: холодный, белый, как в ап-

теке. «Катя лампочки поменяла», — подумал он и пошёл.

Сергей молча подлил ему и себе.

— В подъезде пахло по-другому. Краской, чужой едой, кошачьим кормом. Почтовые ящики новые, синие. Он поднялся, достал ключ, вставил в замок. Ключ вошёл как в масло и не повернулся. Он повернул сильнее. Не повернулся. Он решил, что замёрз замок, хотя на улице было плюс восемь, и позвонил.

Открыла женщина. Лет сорока, в халате, с полотенцем на голове, и лицо у неё было как у человека, которого оторвали от важного дела, например, от дыхания.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — сказал Дима. — А Катя дома?

— Какая Катя?

Он улыбнулся. Он решил, что это шутка. Именно так люди и улыбаются за секунду до того, как мир опрокидывается.

— Моя жена. Я здесь живу.

— Мы здесь живём, — сказала женщина и сделала то, что делают все женщины в такой ситуации: незаметно отступила и крикнула в глубину квартиры: — Олег!

Пришёл Олег. Мужик лет сорока пяти, в тапках с динозаврами, и у этих динозавров было больше достоинства, чем у всей ситуации. Он посмотрел на Диму тем взглядом, которым смотрят на человека, перепутавшего подъезд, но слишком уверенного, чтобы в этом признаться.

— Вам помочь?

— Это моя квартира, — сказал Дима. Тихо. Он вообще всё говорил тихо, потому что внутри у него уже начинало гудеть что-то вроде трансформатора. — Сорок седьмая. Я здесь живу с женой и сыном. Ванька. Шесть лет. Он сейчас, наверное, мультики смотрит.

Олег и женщина переглянулись. Так переглядываются люди, решающие, звонить ли в полицию или сразу в скорую.

— Послушайте, — сказал Олег медленно, громко и без резких движений, как говорят с незнакомой собакой. — Мы купили эту квартиру два года назад. У Екатерины Викторовны. Ровно в этом месяце. Вот, пожалуйста, — и показал на телефоне фотографию договора. — Хотите, принесу оригинал.

— Какие два года?

— Обычные, — сказал Олег. — Двадцать четыре месяца.

Дима стоял на пороге и смотрел мимо них, в коридор. Коридор был его и не его. Стены другие, вешалка другая, на полу какая-то дорожка, которой он не покупал. И вдруг он увидел косяк кухонной двери.

— Косяк, — сказал Андрей. — Обычный деревянный косяк, крашенный белой краской. А на нём карандашом отметки роста. Снизу вверх, как ступеньки: «Ванька 3 года», «Ванька 4», «Ванька 5». Почерк его. Дима помнил, как стоял на коленях с линейкой, а сын подпрыгивал и пытался вытянуть шею, потому что очень хотел быть выше.

— Мы не закрашивали, — сказал Олег. Он проследил за

его взглядом, и голос у него стал совсем другим. — Как-то рука не поднялась.

Дима кивнул. Потом сел на ступеньку лестничной клетки, прямо в куртке, с пакетом. Из пакета выкатилось яблоко и поскакало вниз по пролётам, как маленький красный свидетель.

Андрей потушил сигарету и тут же прикурил новую.

— Достает он телефон. А телефон тоже какой-то не такой. Корпус его, а всё остальное чужое. На заставке он и какая-то темноволосая женщина, оба смеются, сзади море. В контактах Катя записана как «Катя (бывшая)». Сын просто «Ваня». Последнее сообщение от Вани, две недели назад: «Пап, ты в субботу придёшь?» Он посмотрел на дату в углу экрана. И понял всё, но верить отказался, как отказываются верить в то, что тебе уже сказали.

— Страшно, — сказал Сергей.

— Это пока не страшно. Страшно будет дальше.

Он позвонил по единственному номеру, который телефон предложил сам: «Алина». Она ответила на втором гудке. «Дима! Господи, ты где? Три часа не берёшь трубку, я уже по больницам звоню». А он сказал: «Простите, а вы кто?» Она молчала так долго, что он услышал, как у неё в комнате тикают часы. «Не уходи оттуда, — сказала она наконец. — Просто сиди. Я приеду».

Андрей посмотрел в окно, где закрытая форточка ловила отражение лампы.

— Приехала через двадцать минут. Та самая, с заставки, в пальто поверх домашнего, с растрёпанными волосами. Присела перед ним на корточки и не стала ни обнимать, ни плакать. Спросила: «Дима, какое сегодня число?» Он назвал. Она назвала настоящее. Он смеялся минуту, а потом перестал.

Сергей встал, включил чайник и достал с полки две кружки. Андрей продолжил, будто так и надо.

— В больнице врач, усталый и добрый, с лицом, на котором висело больше чужих историй, чем на заборе объявлений, сказал: «Диссоциативная амнезия. На фоне длительного стресса». Алина спросила: «Он вспомнит?» Врач развёл руками: «Может, завтра. Может, никогда. Мозг иногда стирает то, что не может вынести. А иногда возвращает человека в самый безопасный момент, который у него есть». И посмотрел на Диму: «Куда вы шли, когда это случилось?» — «Домой», — сказал Дима.

Чайник щёлкнул. Сергей разлил кипяток по кружкам и поставил одну перед Андреем.

— Потом ему рассказали всё. Не сразу, по кусочкам, как кормят после голода. Что они с Катей два года назад начали ругаться: из-за денег, из-за мелочей, из-за того, что он приходил поздно, а она встречала молча. Что в какой-то момент он ушёл к Алине. Она работала с ним в одной конторе, всё это время была рядом, просто рядом, а потом перестала быть «просто». Что был развод, суды, делёж, ипотека, которую ни-

кто не мог тянуть один. Что Катя продала квартиру и уехала с Ванькой к матери. Что сына он видел раз в две недели. И что всё это время он ходил на работу, улыбался, говорил «нормально», выкладывал в соцсети шашлыки и море, и все вокруг думали, что он справился. Он сам так думал.

— И он справился?

— Вот в этом-то и вопрос. Врач потом объяснил: два года внутри копилось всё. Вина перед сыном, перед Катей, перед собой. Что он выбрал, а выбор, оказывается, не отменяет любви к тому, что оставил. Копилось молча, потому что некогда было: работа, платежи, улыбка. И когда напряжение дошло до предела, внутри лопнуло, как труба. И вода ушла туда, где было сухо. В вечер вторника, два года назад. Во двор, где горит жёлтый свет.

Он сделал глоток чая и поморщился: слишком горячо.

— Он не сошёл с ума. Он просто вернулся домой. Только дом за это время переехал.

Сергей молчал и вертел кружку.

— Алина везла его на машине к себе, то есть к ним. Он спросил: «Почему я ушёл?» Она ответила: «Не знаю. Ты мне так и не рассказал». Он спросил: «А ты счастлива?» Она долго смотрела на дорогу. «Я да. Но ты два года грустил, Дим. Очень аккуратно. Так, что никто не замечал. Ваня вчера спросил, когда ты перестанешь».

Андрей замолчал.

— Память не вернулась. Ни через день, ни через месяц.

Он учил свою жизнь заново, как язык, на котором когда-то говорил. Смотрел фотографии, слушал рассказы, как чужое кино. Хорошее кино, кстати. Жаль, что он в нём не помнит ни слова. Единственное, что у него осталось, это тот вторник. Яблоки, зефир, красная лента на дереве и жёлтый свет на пятом этаже. И это было самое лучшее его воспоминание. И самое невыносимое. Потому что в нём всё ещё жили они.

Повисла тишина, в которой было слышно, как на плите остывает чайник.

— Складно, — сказал Сергей. — Складно придумал.

— Придумал.

— Складно. Когда не про себя.

Андрей ничего не ответил, только подвинул ему рюмку и налил.

— И что ты этим хотел сказать? — спросил Сергей.

— Что можно два года делать вид, что всё нормально. Улыбаться, платить, ставить лайки. Но счёт всё равно придёт. И заплатить придётся тем, что организм сам выберет, а не тем, чего тебе не жалко. Хочешь не потерять два года, проживай их по дороге. Говори. Реви. Напиши кому-нибудь хоть раз, что тебе хреново.

— А если некому?

Андрей посмотрел на него и выпил, не чокаясь.

— Вот потому и страшно, — сказал он. — Твоя очередь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.